

ГЛАВА 1

ОТ «БУЛГАРИЗМА» ЧЕРЕЗ «МАРРИЗМ» К НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ МИФАМ: ДИСКУРСЫ О ТАТАРСКОМ, ЧУВАШСКОМ И БАШКИРСКОМ ЭТНОГЕНЕЗЕ*

*УЯМА Томохико***,
канд. исторических наук,
доцент Центра славянских
исследований Университета
Хоккайдо (г. Саппоро)

Нации – суть воображаемые сообщества¹. Отдельные личности, из которых они состоят, не знакомы с большинством соплеменников, но воображают, что они принадлежат к одному сообществу с общей культурой и судьбой. Нации по своей природе существуют не в диахронном, а в синхронном пространстве. Предки не могут предопределить то, каким образом их отдаленные потомки станут воспринимать это сообщество, а границы и свойства нации постоянно меняются.

* Эта статья является частью результатов исследовательского проекта «Элиты Средне-Волжских национальных республик» (руководитель Мацузато Кимитака), финансировавшегося Министерством образования, науки, спорта и культуры Японии в 1998-2000 гг. Я выражаю благодарность Нишияме Кацунори и моим коллегам по Центру славянских исследований за полезные комментарии к рукописному варианту этой статьи. Я также признателен Ахату Салихову, Наилу Мухарямову, Рафику Мухаметшину, Дмитрию Шабунину, Салавату Исхакову и Алексею Постникову, которые помогли мне при проведении полевых исследований в России.

** По просьбе автора в соответствии с японской традицией сначала указана его фамилия, а затем имя (*Прим. ред.*).

В большинстве случаев нации предстают как исключительно крупные семьи, объединенные «братством», проживающие на одной территории (на «родине» или в «отечестве») и имеющие общих «предков». Их представители часто испытывают гордость за свою историю, считая определенные древние народы своими предками, а элементы их культуры – своим культурным наследием. Соперничество за предков и наследие нередко приводит к политическим спорам между соседними народами. Поскольку нации и этнические группы могут представлять собой солидные сообщества только синхронно, являясь изменчивыми с диахронной точки зрения, в научном отношении установление, какие древние или средневековые сообщества являются их предками, особого смысла не имеет. Наилучшим объяснением здесь служит мифотворчество, а не академические разработки. Но историков и политологов как раз интересуют причины, вызвавшие появление такого количества сомнительных в научном смысле попыток. Методы изучения этнической истории и этнических корней (этногенеза) также являются привлекательным объектом исследования интеллектуальной истории.

Говоря о мифическом характере этнической истории, я не утверждаю, что он присущ исключительно современным нациям. Как отмечает Бенедикт Андерсон, все значительные по размеру сообщества, включая досовременные, являются воображаемыми². Многие религиозные и региональные сообщества, школы и компании создают легенды о своих традициях с тем, чтобы укрепить единство. Наш анализ начинается с досовременных дискурсов об истории, в данном случае с тех, что связаны с так называемым болгаризмом. Рассмотрим связаны ли они с религиозными, региональными или этническими сообществами и сопоставим их с современными дискурсами об этнической истории.

В дискурсах об истории научные исследования часто переплетены с государственной идеологией. В этом отношении этническая история народов бывшего Советского Союза являет собой яркий пример. Советское государство с помощью ученых систематизировало и контролировало написание этнической истории не только русского как доминирующего народа, но и представителей других национальностей. Этническая история в советском духе и прежде всего советские исследования проблем этногенеза (этногенетика) были сформированы при Сталине, при этом были заимствованы идеи языковеда Николая Марра. Несмотря на строгий государственный контроль, проблемы этнической истории были

яблоком раздора между народами Советского Союза и остаются ими сегодня между новыми независимыми государствами и республиками в составе Российской Федерации.

Ранее я занимался исследованием дискурсов этнической истории казахов³. В данной статье будут произведены анализ дискурсов этнической истории трех других тюркоязычных народов бывшего Советского Союза – волжских татар, чувашей и башкир – и по мере необходимости сопоставление их с дискурсами в Центральной Азии (Средней Азии и Казахстане). Одновременно с этим я хотел бы обсудить то, как формировалась советская этногенетика в целом. Как мы увидим, имеется немало полезных исследований, относящихся к интересующим нас вопросам. Наша задача – отчасти скорректировать интерпретации, содержащиеся в этих работах, а также проанализировать дискурсы об этногенезе на длительном историческом отрезке – с начала девятнадцатого столетия до нынешних дней.

1. Дискурсы об истории волго-уральских тюрков до Октябрьской революции

Понять, как жители Волго-Уральского региона идентифицировали себя до восемнадцатого столетия, – задача крайне сложная, потому что до наших дней сохранилось очень небольшое число письменных источников на их языках. Но в случае с мусульманами можно рассмотреть несколько проявлений идентичности и восприятия истории, подчас накладывающихся друг на друга. Это 1) исламская идентичность; 2) чингизизм, или общее для многих народов Центральной Евразии почитание Чингиз-хана и его потомков⁴; 3) акцентирование роли Джучиева Улуса, или Золотой Орды (в основном примыкающее к чингизизму и подчас связанное с персонажами, не относящимися к чингизидам, такими, как Идегей, например); 4) приписывание особой роли домонгольской Волжской Булгарии (на отрезке времени от X до XIII вв.); 5) идентичность, опирающаяся на этнонимы, которые использовали русские (татары, башкиры, мишари и т.д.⁵); 6) идентичность, связанная с локальными сообществами, или племенами, и получившая отражение в истории поселений и в генеалогиях.

Ярким феноменом было развитие болгаризма, ставшее недавно предметом исследования Алена Франка⁶. Составленная между 1682 и 1700 гг. история «*Дафтар-и Чингиз нама*» («Тетрадь книги о Чингизе»; название звучит тавтологично), описывает казанских ханов как потомков не Чингиз-хана (хотя сам Чингиз-хан воспринимается как мусульманин), а последнего хана Булгарии. Руководитель восстания 1755 г. Батырша (Абдулла Алеев) по бесчисленным поводам ссылается на болгар как на предков волго-уральских мусульман. В 1760 г. Мулла Мурад возглавил движение за воссоздание Булгарии⁷.

В XIX в. появились значимые исторические работы болгаристов. Наибольшее признание получила «*Тарих-и Булгария*» («История Булгарии») Хисамутдина аль-Булгари (Муслими)⁸. Согласно автору книги, пророк Мухаммед направил своих сподвижников (сахабов) в город Булгар (который якобы был основан Александром Македонским!), и болгары, потрясенные тем, что они вылечили ханскую дочь, стали мусульманами⁹. Имена многих последователей этих посланцев соответствуют именам местных святых, родовых фигур и поселений Волго-Уральского региона. Таким образом, автор настаивает на сакральной природе болгар, обращенных в ислам по инициативе самого Пророка, и подчеркивает тесные связи между ними и волго-уральскими мусульманами в XIX в. Примечательно и то, что он изображает Чингиз-хана как нераскаявшегося неверного, которого правомерно убил Тимур!¹⁰

Булгарскую идею вынашивали не только татары, но и башкиры. В 1805 г., то есть предположительно до того, как была написана «*Таварих-и Булгария*», Таджетдин Яльчигул-оглы написал «*Тарих нама-и Булгар*» («Книга истории Булгара»)¹¹ в форме генеалогии автора начиная с Адама. Согласно этой книге, один из внуков Афлаха (предка казахов) был Торкман (Туркмен), а его внуками были Татар, Мишар, Иштяк¹² и Нугай (Ногай). Внуком Иштяка был Айле (название племени, которому принадлежал автор), а его внуком – Касур (Цезарь). Сыном последнего был Сократ, который вместе с Александром Македонским основал город Булгар. Потомком Сократа в восьмом колене был Маскав (Москва), а потомок последнего в одиннадцатом колене прибыл из Китая и завоевал Булгар. В царствование его сына болгары были обращены в ислам. Автор называет себя «булгарским иштяком». Таким образом, он объединил историю Булгара с генеало-

гией своего племени, башкир, различных тюркских племен и даже греков, римлян и русских.

Франк определяет болгарскую идентичность как региональную идентичность волго-уральских мусульман и объясняет ее возникновение ростом влияния улемов, которые настаивали на том, что волго-уральские мусульмане под юрисдикцией Оренбургского духовного собрания (основанного в 1788 г.) были единым исламским сообществом¹³. Однако доказательств того, что географически «болгарская идентичность» в точности совпадает с Волго-Уральским регионом, не существует. «Таварих-и Булгария» содержит множество ссылок на Тимура и суфиев из Средней Азии¹⁴. Автор «Тарих нама-и Булгар» утверждает, что его предки жили в разных регионах Индии, Среднего и Ближнего Востока, Центральной Азии, Греции и Руси (это относится не только к наиболее древним предкам, так как некоторые потомки Булгарских ханов якобы жили в Хорезме). Таким образом, болгарское понимание истории не ограничивалось Волго-Уральским регионом и охватывало также и другие территории.

Булгаристы превратили Булгар в сакральный символ, увязав его со многими историческими фигурами, местностями и прежде всего с самими собой. Они попытались затмить идентичности, связанные с чингизизмом и Джучиевым Улусом (не всегда отрицая, а подчас и инкорпорируя их), как и различия квазиэтнических групп, которые были наделены теми или иными привилегиями и имели определенные обязательства перед российскими властями. Разумеется, болгарская идентичность не являлась этнической или национальной идентичностью в современном смысле. Религиозная, племенная, этническая, национальная и региональная идентичности не были четко дифференцированы. Разные люди претендовали на связь с Булгаром, но вместе они не представляли единую общность. Булгаристские истории не были написаны в строгом хронологическом порядке и не являлись историями сообществ в прямом смысле слова. Скорее, они представляли собой индивидуальные генеалогии, в конечном счете восходившие к Адаму, а также нарративы выдающихся персонажей (как реальных, так и вымышленных). Истории племен и поселений часто создавались как генеалогии их основателей и знаменитостей. В этом смысле булгаристская историография была частью традиционной племенной и локальной историографии Центральной Евразии¹⁵, далекой от этнической истории в современном смысле слова.

Во второй половине XIX в. произошел значительный подъем исламского реформизма, названного позднее джадидизмом. Один из его самых выдающихся теоретиков Шагабутдин Марджани в своем произведении «*Мустафад ал-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар*» («Избранные сведения о положении в Казани и Булгаре», 1885 г.) осудил идеи болгаристов. Согласно его точке зрения, они (в том числе и Хисамутдин аль-Булгари) писали искаженную историю, идеализировавшую волго-уральское мусульманское сообщество болгарского периода (для него самого идеалом являлась община пророка Мухаммада). Он критиковал и представление, будто тот, кто носит имя отличное от «мусульманин», – враг религии, и если кто-то не знает своей национальности (миллят), то он должен понять, что он по национальности мусульманин. Для того чтобы четко отделить этнонациональные наименования от конфессии, он решился использовать непопулярное до сих пор слово «татарин» в качестве имени, относящегося к тому же разряду, что и «араб», «таджик», «китаец» или «русский». В то же время он не отрицал преемственность между булгарами и татарами¹⁶.

Несмотря на критику Марджани, исторические труды болгаристов продолжали появляться, а в начале XX в. возникло политическое движение болгаристов – движение Гайнана Ваисова¹⁷. В отличие от большинства более ранних историков-булгаристов, которые примыкали к Оренбургскому духовному собранию или находились под его влиянием, Ваисов непримиримо противостоял ему. Он утверждал, что официальные исламские лидеры были татарами, а не подлинными мусульманами, к которым он относил болгар, включая себя и своих последователей. Он и его последователи рассматривали Волжскую Булгарию как место и время исповедания ислама в чистой форме, отсюда – их стремление к возрождению Булгарского государства¹⁸.

Основная часть интеллектуалов-модернистов в начале XX в., однако, не проявляла особого интереса к теме болгар. Более жаркие споры касались того, были ли они татарами или же тюрками. Иными словами, являлись ли татары нацией (миллятом), а тюрки – суперэтносом, или тюрки были нацией, а волжские тюрки – ее подгруппой. Дискуссия достигла кульминации в 1910-1912 гг. на страницах журнала «*Шура*», который издавался в Оренбурге¹⁹. И татаристы, и тюркисты старались изобразить татар как крупное и развитое сообщество (один из татаристов Джамалутдин Валидов утверждал, что татары включали башкир и мишарей), призванное играть ведущую роль в тюркском мире или среди российских мусульман.

Между тем русские исследователи в XIX в. проявляли интерес к развалинам города Булгар, который некоторые называли русскими Помпеями, и стремились определить, к какой этнической группе принадлежали булгары. Некоторые видные ученые, такие как Илья Березин, предполагали, что булгары были предками татар, поскольку и те, и другие были мусульманами, преуспевавшими в коммерции. Однако эта гипотеза противоречила традиционному восприятию русскими татар как потомков монгольских завоевателей. Некоторые из тех, кто полагал, что развитая болгарская культура не могла принадлежать тюркам, настаивали на том, что булгары были славянами. Однако болгаро-славянские теории были лишены надежных оснований и к концу девятнадцатого столетия утратили всякую убедительность²⁰.

По мере расшифровки болгарской эпиграфики исследователи обратили внимание на то, что язык булгар был близок к чувашскому языку²¹, обладающему чертами, существенно отличающими его от всех остальных тюркских языков. На этом основании появились утверждения о том, что чувашаи являются потомками булгар. Известный просветитель и миссионер Николай Ильминский с энтузиазмом поддержал эту гипотезу, возможно, потому что история превращения булгар-мусульман в христиан-чувашей была удобна в его деятельности²². В 1902 г. лингвист русско-чувашского происхождения Николай Ашмарин написал фундаментальный труд о языковых отношениях между булгарами (которые, по его мнению, были тесно связаны с гуннами) и чувашами²³.

Общепринятая русская теоретическая версия расценивала казанских татар как потомков золотоордынских кипчаков, смешавшихся с финнами, булгарами и т.д.²⁴ В 1909 г. татарский ученый Гайнутдин Ахмаров написал работу, в которой подчеркнул преемственность между булгарами и татарами²⁵. (Его точку зрения не следует путать со взглядами ранних историков-булгаристов, делавших акцент на священном болгарском наследии волго-уральских мусульман, а не на секулярной нации «татары»). Таким образом, появились предвестники будущего чувашско-татарского соперничества за болгарское наследие. Русские и европейские (особенно венгерские) ученые выдвинули гипотезу об угорском, или тюркском, происхождении башкир²⁶.

В Центральной Азии казахские интеллектуалы составляли племенные и этнические генеалогии²⁷, а туркестанские оспаривали приемлемость использования слова «сарт» в качестве этнонима²⁸. Однако боль-

шинство их работ носило фрагментарный характер и имело мало общего с этнической историей, которая будет написана в советский период. По сравнению с Центральной Азией дискуссии об этнической истории в Волго-Уральском регионе были более динамичными и систематизированными благодаря традиции болгаристской историографии и активным разработкам русских исследователей.

Ильминский и его последователи оставили после себя особенно значимое наследие. Ильминский был миссионером, но не русификатором, и верил в то, что только просвещение нерусских на их родных языках способно привить истинную веру. Он развивал образование на местных языках, создавал грамматики, составлял словари, внес практический вклад в размежевание этнических групп. Его концепция может быть обозначена как «национальное по форме, православное по содержанию». Его деятельность выходила за рамки чисто миссионерских задач, а его последователи изучали лингвистические и этнографические проблемы, включая проблему соотношения болгар и чувашей. Ильминский был другом и коллегой отца Ленина – школьного инспектора и, возможно, повлиял на взгляды Ленина по вопросу национальных меньшинств. Изабел Краиндлер отмечает сходство между идеями Ильминского и ленинской национальной политикой по многим вопросам²⁹. Ленинская политика была в модифицированном виде унаследована Сталиным, выдвинувшим принцип культуры «национальной по форме, социалистической по содержанию».

Таким образом, многие сюжеты предстоящих дебатов возникли еще до Октябрьской революции, а в советский период они будут обсуждаться в других контекстах.

2. Марризм без Марра: возникновение советской этногенетики

В ходе Февральской и Октябрьской революций и сразу после них в Волго-Уральском регионе начался бурный подъем национальных движений. Татарские национал-коммунисты предприняли попытку основать Татаро-Башкирскую республику, в которой они намеревались играть ведущую роль. Этому противостояли башкирские националис-

ты. Чувашские националисты хотели создать Великую Чувашию. В первой половине 20-х годов в регионе, как и во многих других частях Советского государства, продолжали существовать националистические (а также пантюркистские, панисламистские и проч.) настроения. По свидетельству довольно предвзятых источников, появившихся в 30-е годы в связи с кампанией против национализма, чувашские националисты идеализировали «золотой век чувашско-българского национального государства» и предлагали переименовать Чувашскую республику в Българскую республику. Они также настаивали на том, что чувашаи были древнейшими обитателями Волго-Камского региона и их сельское хозяйство было значительно более развито, чем у их русских соседей³⁰.

Советское руководство в духе Ильминского закрепило стандарты языков национальных меньшинств, а также границы наций и этнических групп. На базе принципов национального самоопределения были созданы союзные и автономные республики. И если существование наций и национальных республик было официально узаконено, то почему бы не приступить к исследованию их историй? В 20-е годы власти способствовали развитию краеведения, то есть исследований в области языка, истории, фольклора, экономики и природной среды соответствующего региона. Если этот регион был национальной республикой, краеведение означало также исследование титульной нации (татароведение, узбековедение и т.п.). Археолог Петр Ефименко призывал к изучению этногении (позже переименованной в этногению, а затем в этногенез), основанной на сравнительном языкознании и доисторической археологии, которая призвана исследовать явления материальной культуры, «часто оказывающиеся более устойчивыми, чем язык»³¹. Однако в тот период каких-либо систематических исследований проведено не было. Некоторые историки, получившие образование в дореволюционный период и занимавшие немарксистские позиции, исследовали историю и происхождение своих этнических сообществ³², но они не имели устойчивого влияния.

«Культурная революция» в конце 20-х – начале 30-х годов повлияла на многие сферы искусства и науки. Организации, специализировавшиеся на краеведении, были закрыты. Многие ученые нерусской национальности были репрессированы как «буржуазные националисты». Этнография (или этнология) была подвергнута жесткой критике

как «буржуазная» наука, а новой марксистской этнографией (принципиально отличавшейся от западной этнологии) было предписано сосредоточиться на «практических» вопросах современных условий и истории этнических сообществ. Одним из приоритетных направлений было исследование этногенеза³³. Многие из тех, кто критиковал старую этнографию и отстаивал необходимость создания новой, были последователями Николая Марра – лингвиста, который основал «яфетическую теорию» (шире – новое учение о языке) и в области гуманитарных и общественных наук приобрел в Советском Союзе чрезвычайно высокий авторитет.

Сам Марр не создал теории этногенеза. Хотя он и писал в своих ранних исследованиях об истории яфетических языков как истории яфетических племен³⁴, однако позднее он заявил, что все языки мира находятся в родстве друг с другом, но это родство социальное, а не расовое (этническое). Он рекомендовал не использовать термин «племя» (или «этнос»; в современном употреблении – «этническая группа») по крайней мере в его конвенциональном значении, утверждая, что это – не расовое, а социоэкономическое понятие. Согласно Марру, этнической культуры разного происхождения не существует, а есть, скорее, общечеловеческая культура, которая имеет единое происхождение; культурное многообразие объясняется различиями между стадиями развития, которые были частично сохранены различными народами³⁵. Невзирая на то, что такая логика во многих аспектах выглядит странной, его отказ от примордиалистского взгляда на этничность заслуживает внимания, в том числе и с позиций наших дней. Казахский историк-марксист Санжар Асфендиаров, обобщая идеи Марра, отметил (ссылаясь, как ни странно, на антибольшевистского теоретика Каутского), что нация представляет собой историческую категорию, преходящую, а не изначальную (примордиальную)³⁶.

Однако этнографы и археологи обратили внимание на другую сторону теории Марра. Он вел войну против индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, утверждавшего, что протоязык разделился на разные языки в ходе миграции этнических групп со своих прародин. Его версия истории языков состояла в том, что разные стадии социоэкономического развития породили разные языки, сохранившиеся в сегодняшнем мире в виде реликтов. Наиболее значительно

природа языковых изменений была связана не с внешней массовой миграцией, а с революционными сдвигами в развитии социоэкономических систем, а также со «скрещением» слов и языков³⁷. Его последователи распространили эту идею на культурную и этническую историю, добавив к ней этнотерриториальный аспект. Его ближайший ученик Иван Мещанинов доказывал, что материальная культура изменяется в соответствии со стадиями развития, и если миграция могла стимулировать эти изменения, то «чужие» элементы, привносимые в результате миграции, были вторичными по сравнению с местными элементами³⁸.

В тот период немецкие ученые много писали об истории германских народов (среди прочих о готах), которые в свое время занимали обширные территории в Восточной Европе и в России, и заявляли о превосходстве германских народов над славянами. Для советских ученых критика их взглядов как выражения «расизма, милитаризма и экспансионизма» становилась политически важной задачей. Археолог Владислав Равдоникас доказывал в 1932 г., что готы появились на северном побережье Черного моря не в результате миграции германских народов. Скорее, они сформировались «автохтонно». Это произошло в результате трансформации от сарматской стадии к готской в пределах одной и той же территории³⁹. «Автохтонность» была новым понятием, которое позже получило широкое распространение, хотя Равдоникас и оставался предан марровскому неприятию раздельного происхождения этнических сообществ.

С середины 30-х годов, по мере того как официальная идеология стала разворачиваться от интернационализма к особенностям советского (русского) общества, акцент с социоэкономической природы народов сместился на различия в их происхождении. Начиная с 1938 г. Академия наук СССР организует интенсивные дискуссии по этногенезу. Было опубликовано множество работ, посвященных проблеме происхождения славян. Культура народов, являвшихся предками русских, была объявлена наиболее развитой в Европе еще в эпоху палеолита. Готы при этом расценивались либо как племенной союз, ядро которого состояло из славян, либо просто как варвары, а роль викингов в основании Киевской Руси отрицалась⁴⁰. Ученые постоянно ссылались на Марра, их теории впоследствии получили название «марристских», однако они либо просто упоминали его имя, либо цитировали его слова, пренебрегая при этом контекстом⁴¹. Знамени-

тый историк Борис Греков писал: «Н.Я.Мартр заставил нас взглянуть далеко назад – на скифов, киммерийцев и еще дальше, показав нам, что именно здесь следует искать корни славянства и других европейских народов»⁴². Действительно, Мартр проявлял глубокий интерес к доисторическим временам и античности, но его целью было исследование истории человечества, а не поиск славянских этнических корней! Сущность новой теории составляло представление о том, что этнические группы были сформированы не миграцией, а автохтонно на территории, которую они занимают в настоящее время. Ключевое слово «автохтонность» не входило в терминологию Мартра. Мартристские этногенетические теории были созданы без участия самого Мартра, правда, надо сказать, что его двусмысленная теория оставляла место для произвольных интерпретаций⁴³.

Очевидно также и то, что на дискурсы об этногенезе повлияли некоторые собственные идеи Мартра. Он очень интересовался чувашским языком, полагая, что это единственный сохранившийся язык из той тесно связанной группы яфетических языков, из которых впоследствии сформировались тюркские языки, и что он внес вклад в формирование русского языка. Мартр полагал: несмотря на то, что чуваша превратились в слаборазвитый народ из-за русского и татарского «империализма», они изначально обладали высокой культурой и были связаны не только с булгарами, но также и с шумерами⁴⁴. Однако подобные фантазии Мартра занимали лишь маргинальное место в «мартристской» этногенетике.

Советским исследователям было предписано изучение не только славян, но и других народов Советского Союза, особенно в связи с борьбой против «панфиннизма и пантюркизма»⁴⁵. Конференция по этногенезу народов Средней Азии, которая была проведена в Ташкенте в 1942 г., ярко продемонстрировала своеобразные черты «мартристской» теории. Александр Удальцов – историк, автор работ о происхождении славян – заявил на конференции, что новая научная дисциплина – этногенетика формируется на основе использования мартовской теории языкознания и сочетания археологии, антропологии, языкознания и истории. Другим важным докладчиком был Сергей Толстов – агрессивно настроенный этнограф-мартрист, назначенный в том году директором Института этнографии Академии наук СССР. Толстов обосновывал положение, что народы Средней Азии начали

формироваться во второй половине I тыс. до н. э. приблизительно на той же территории, которую они занимают в современный период (за исключением кыргызов), и что автохтонный процесс их этногенеза был практически завершен между VI и XII вв. н. э. Он намеренно проигнорировал тот факт, что сообщества, обозначаемые теми же этнонимами, что и современные среднеазиатские нации, возникли не так давно (к примеру, этноним «казах» появился лишь в пятнадцатом столетии)⁴⁶.

Вновь созданная советская этногенетика была мультидисциплинарной наукой и рассматривала этногенез как длительный процесс, в котором участвуют различные элементы. Это был более искушенный подход, чем тот, который видел в этнической истории лишь историю миграции «чистого» сообщества от мест изначального обитания. Но сочетание археологии⁴⁷ и физической антропологии позволяло некоторой преемственностью культуры, антропологических черт или даже гончарного декора обосновывать преемственность этнической истории. При этом изменения в идентичности, этнонимах и политической структуре могли быть легко проигнорированы⁴⁸. Если кто-то избирает устраивающий его критерий, он получает соответствующую возможность – проследить происхождение этнической группы вплоть до первых людей, населявших эту территорию в самые древние времена. Это одна из причин, обусловивших столь ярко выраженный примордиализм в советских научных представлениях об этногенезе.

Параллельно с исследованиями этногенеза большие усилия предпринимались для составления историй национальных республик, которые писали коллективы авторов. Первой из опубликованных была «История Казахской ССР»⁴⁹, написанная как местными историками и писателями, так и известными историками из Москвы, оказавшимися в Казахстане в эвакуации во время Второй мировой войны. Отвечая задаче повышения боевого духа, книга ярко изображала героическое прошлое казахов, особенно историю восстаний. Географическое название «Казахстан» в ней используется начиная с появления на этой территории первых людей, когда еще не было этнонима «казах». Этот стиль впоследствии был распространен на большинство исторических работ, посвященных национальным республикам Советского Союза.

По мере того как война шла к завершению Советское руководство стало акцентировать вклад в победу русских в качестве решающего, а государственная идеология становилась все более руссоцентричной. Авторы «*Истории Казахской ССР*» были подвергнуты резкой критике за прославление героев прошлого, сражавшихся против русских⁵⁰. Татарские историки и литературоведы особенно сильно пострадали во время кампании, начатой в 1944 г. против воспевания Золотой Орды и популяризации эпоса об Идееге – герое Золотой Орды, который руководил осадой Москвы. Составление «*Очерков по истории Татарской АССР*» было отложено очевидно потому, что редакторы не знали, кто и как должен в создавшихся условиях писать соответствующие главы книги. Был раскритикован и текст «*Очерков по истории Башкирии*» на сей раз за идеализацию «феодального прошлого» и отрицание «факта добровольного присоединения» Башкирии к Московскому государству и его «прогрессивного» значения. Авторам было указано полностью переписать работу⁵¹.

«Марристская» теория этногенеза, как и кампания против Золотой Орды повлияли на работу конференции по истории Татарстана, прошедшей в Москве в 1946 г.⁵². Она была полностью посвящена проблемам этногенеза казанских татар. Участники конференции согласились с тем, что казанские татары не были «пришельцами – монголо-татарами». Скорее, они произошли от болгар, кипчаков и других племен, входивших в состав Волжской Булгарии и обладавших культурой, более высокой, чем монголы, с которыми им позже предстояло сразиться. Медиевист и археолог Александр Якубовский утверждал, что не следует делать из этнонимов фетиш (в данном случае из этнонима «татары») и что необходимо отделять историю народа от его этнонима⁵³. Это положение было аналогично тому, которое он выдвинул в 1941 г. применительно к истории узбеков, обладавших, по его мнению (а впоследствии и большинства советских историков), значительно более древним автохтонным происхождением, чем узбекские племена, появившиеся в Средней Азии в XV в.⁵⁴ Некоторые участники конференции отстаивали точку зрения, что русские оказали значительное влияние на формирование татар. Археолог Алексей Смирнов настаивал на неразрывной преемственности между булгарами (которые, как он считал, по происхождению были сармато-аланскими племена-

ми), казанским ханством и казанскими татарами. Антрополог Татьяна Трофимова считала, что волжские татары (казанские татары, кряшены и мишари) не являются потомками монголов на том основании, что они в основном относятся к европеоидной расе⁵⁵. Так происходило становление советской (прорусской и антимонгольской) версии булгаризма. Вопросы болгарского языка обсуждались на этой конференции с использованием результатов исследований, проведенных Комиссией по болгаро-татарской эпиграфике при Татарском институте языка, литературы и истории в 1941-1942 гг. Археолог Николай Калинин настаивал на том, что существовало два типа болгарской эпиграфики: в первую очередь на кипчакском языке (близком к татарскому), а затем на языке, близком к чувашскому⁵⁶.

Конференция по башкирской истории, состоявшаяся в Уфе в 1947 г., была посвящена различным проблемам и лишь отчасти имела отношение к этногенезу. Один из ее основных докладчиков, историк Абубакир Усманов пытался доказать, что в формировании башкир участвовали не только тюркские и финно-угорские племена, но и «древнейшие племенные объединения, населявшие Башкирию и находившиеся на яфетической стадии развития»⁵⁷.

В 1950 г. в Москве состоялась конференция по истории и этногенезу чувашей. Выступивший с первым докладом историк и археолог Петр Третьяков раскритиковал идею о том, что чувашаи были прямыми потомками болгар, как «положение буржуазной науки». Он отметил, что Волжскую Булгарию населяли предки не только чувашей, но и казанских татар, марийцев и удмуртов. Он также заявил, что различия между северо-западными (верхними) и юго-восточными (нижними) чувашами уходят корнями во II тыс. до н. э. и только последние имели тесные связи с «пришельцами» – булгарами. Остальные докладчики также акцентировали автохтонность чувашей или скрещение аборигенов (предположительно финно-угров) и болгар. Любопытно следующее: если в случае с этногенезом татар булгарам противопоставлялись «пришельцы» – монголы, то на сей раз «пришельцами» оказались булгары. Они упоминались как «степные кочевники», хотя в действительности они стали в основном оседлым народом в период формирования государства Волжской Булгарии. Некоторые докладчики подчеркивали влияние русских на чувашей⁵⁸.

Вскоре после этой конференции Сталин жестко раскритиковал теорию Марра и заклеил его как «упростителя и вульгаризатора марксизма»⁵⁹. После этого эпоха «марристской» этногенетики официально подошла к концу. Исследователи подвергли критике себя и своих коллег за «марристское» прошлое, отказались от тезиса о том, что яфетические языки и этносы превратились в индоевропейские и тюркские путем «скачков» и «взрывов». Они также осудили преувеличение эффекта скрещивания, как и недооценку обратного феномена, то есть разветвления одной этнической общности на несколько частей⁶⁰. Элементы этногенеза в советской науке, непосредственно связанные с теорией Марра, были устранены, и возобладал традиционный подход, включая признание важности факта разветвления языковых семей.

Однако исследованиям этногенеза продолжали придавать очень большое значение⁶¹. Сталин подверг критике лингвистическую теорию Марра (особенно его взгляд на язык как на часть «надстройки», имеющую классовую природу), но не структуру «марристской» теории этногенеза в целом, суть которой, касающаяся этничности, была чужда Мару. Сохранилось взаимодействие археологии, антропологии, языкознания и истории. Не произошло даже смены лидера в исследовании этногенеза. Бывший «маррист» Толстов сохранил свое влияние и продолжил редактирование многотомной серии «*Народы мира*», опубликованной с 1954 по 1966 гг., а также работу в должности директора Института этнографии (вплоть до 1966 г.).

Несмотря на то, что автохтонность перестала быть аксиомой, а миграции стало придаваться большее значение, чем прежде, многие исследователи эксплицитно или имплицитно использовали автохтонный подход, возможно потому, что он весьма подходил для нужд исторической легитимации границ национальных республик. И независимо от того, использовали они автохтонный подход или нет, они прослеживали этнические генеалогии настолько глубоко, насколько это было возможно. Стандартные описания этнической истории отображали то, как древнейшие обитатели территории, перемешиваясь со вновь прибывающими этническими общностями, развились в современные нации. Изменениям в этнонимах при этом не придавалось особого значения⁶². Основные свойства советской этногенетики остались прежними.

3. Коренизация исследований этногенеза и спор о булгарах

Этническая история и история национальных республик поначалу изучались в основном по инициативе ученых из Москвы и Ленинграда – русских и евреев по национальности. Их взгляды не исходили из национализма волго-уральских или центральноазиатских народов. Однако в результате проведения политики развития потенциала исследовательских учреждений национальных республик, где работали ученые нерусских национальностей, изучение этнической истории рано или поздно должно было претерпеть коренизацию. Это могло добавить в дискурс этнической истории элементы национализма или по крайней мере национального самосознания.

В Волго-Уральском регионе, где этническая историография имела давние традиции, такая тенденция обнаружилась незамедлительно. В 1950 г. татарский историк из Саранска (Мордовия) Магамет Сафаргалиев опроверг болгаро-татарскую теорию, выдвинутую на конференции 1946 г. Он осудил аргументы Смирнова и Хайри Гимади (историка из Казани) в пользу существования Булгарского княжества в составе Золотой Орды, что должно было доказать связь между домонгольскими булгарами и казанскими татарами. Сафаргалиев утверждал, что татары происходят от татарских племен (по его мнению, тюркоязычных) из Монголии, которые смешались с булгарами и другими племенами в Золотой Орде и Казанском ханстве⁶³. После сталинской критики Марра осуждать болгарскую автохтонность было уже не так опасно, но начатая в 1944 г. кампания, направленная против признания значения Золотой Орды, продолжалась. Значение, которое Сафаргалиев придавал Золотой Орде (хотя при этом он различал племена татар и монгольских правителей Орды), а также подчеркивание сходства татарских общностей (волжских, касимовских, астраханских, сибирских татар) на территории бывшей Золотой Орды – все это было политически проблематично и вызвало опровержения со стороны Гимади⁶⁴. Сравнительно независимую позицию Сафаргалиева можно объяснить тем, что исследователи за пределами Татарстана не подвергались контролю со стороны казанских бюрократов, весьма чувствительных по отношению к политике, проводимой союзным руководством⁶⁵.

«История Татарской АССР», опубликованная наконец в 1955 г., содержала позицию, близкую той, что была изложена на конференции 1946 г. Однако о влиянии русских на этногенез татар в книге не говорилось (но подчеркивались тесные контакты между русскими и болгаро-татарами), ибо откровенный руссоцентризм после смерти Сталина в 1953 г. угас. Авторы книги писали, что формирование единого болгарского народа было приостановлено из-за монгольского вторжения, не приведшего, однако, к радикальным изменениям в этнической композиции региона. По их мнению, процесс формирования казанских татар был завершен в Казанском ханстве в основном на основе болгар и частично кипчаков и других тюркских племен. Отказавшись от мультидисциплинарной традиции советской этногенетики, авторы придали исключительное значение языку, заявив при этом, что язык болгар и современный язык казанских татар – одно и то же⁶⁶.

В противоположность этому в «Очерках по истории Башкирской АССР» (1956) Раиль Кузеев (двадцатисемилетний этнограф) в главе, посвященной этногенезу, развил мультидисциплинарный подход советской («марристской») этногенетики, сочетая этнографию, археологию, языкознание, а также изучение племенных генеалогий. Он описал формирование башкир как длительный процесс, в котором главенствующую роль играли тюркские племена (гунны, печенеги-огузы, половцы-кипчаки, болгары, ногайцы и т.д.), однако нетюркские племена (мадьяры и другие финно-угры, древние сарматы и монголы) также внесли свой вклад⁶⁷. Его подход был хорошо сбалансирован и подкреплён конкретными доказательствами.

Несколько ранее известный русский этнограф и археолог Сергей Руденко утверждал, что тюркоязычные монголоиды пришли в Башкортостан еще в первой половине I тыс. до н.э. и что башкиры сформировались как единый племенной союз в первые века нашей эры. Несмотря на детальное описание антропологических типов башкир, их образа жизни и диалектов и объяснение их происхождения преимущественно как плодов контактов с соседними этническими группами, он заявил, что такие контакты не привели к фундаментальным изменениям этнических характеристик башкир⁶⁸. Его аргументация была гораздо слабее, чем доводы Кузеева, но гипотеза о ранней тюркизации привлекла позднее множество последователей.

В то же время чувашские ученые, не удовлетворенные результатами конференции 1950 г., созвали новую конференцию в 1956 г. в Чебоксарах. Они попытались обосновать положение, что болгары, особенно подгруппа «сувар» (наименование «сувар», или «суваз», мыслилось связанным с «чуваш»), сыграли главную роль в формировании чувашей. Смирнов заявил, что болгары населяли не только юго-восточную часть, но и другие районы Чувашии⁶⁹. Несмотря на то, что он был русским и отстаивал болгаро-татарскую теорию на конференции 1946 г., впоследствии он часто защищал точку зрения чувашских ученых.

По мере развития археологических и лингвистических исследований стали появляться более детализированные работы, посвященные отношениям между булгарами, чувашами и татарами. Чувашский археолог Василий Каховский в своей книге (1965) писал, что предки чувашей, первоначально обитавшие в районе Байкала, отделились от других тюркских и монгольских общностей еще в I тыс. до н. э., а затем мигрировали на запад. Он отметил также, что в формировании верхних чувашей приняли участие и марийцы⁷⁰.

Татарский археолог Альфред Халиков полагал, что существенным для формирования чувашей было нашествие тюрков-гуннов в IV-V вв. н. э., и отрицал какие-либо отношения между чувашами и булгарами. Другой татарский археолог, Равиль Фахрутдинов считал, что почва для установления связи между суварами и чувашами отсутствует. Халиков также заявил, что фундаментом для татар стала культура тех племен, которые происходили из Западного тюркского каганата и вторглись в Поволжье в VI-VII вв. Первоначально его гипотеза означала, что предки татар пришли в Поволжский регион раньше болгар, а роль последних в этнической истории татар была минимальной. Однако позже Халиков заявил, что болгары также были прямыми предками татар⁷¹. Смирнов осудил аргументы Халикова и других казанских ученых в пользу присутствия тюркских племен в Волго-Уральском регионе до болгар как ненаучные и в 1971-1974 гг. вступил с ними в решительную полемику⁷².

Метод Халикова, идентифицирующий языковую тюркизацию обитателей региона через изменение археологических памятников⁷³, был проблематичен. Тем не менее его теория ранней тюркизации Волго-Уральской зоны позволяла проследить корни татар в Татарстане как можно глубже и представляла собой альтернативу (или вариант) «марристской» ав-

тохтонности. С другой стороны, она свидетельствовала о возрождении тюркской идентичности, которое стало возможным в контексте «пост-марристских» подходов, наделявших языковые семьи в традиционном смысле слова. Башкирский археолог Нияз Мажитов утверждал, что тюркоязычные элементы начали продвигаться из Центральной Азии к Южному Уралу в IV в. до н. э.⁷⁴. Сходная тенденция возникла в Центральной Азии, особенно в Узбекистане⁷⁵.

Точка зрения чувашских ученых была обобщена в сборнике статей «*Болгары и чуваш*», изданном в 1984 г. Авторы подчеркивали непрерывную преемственность между булгарами и чувашами в различных аспектах, считали, что Казанское ханство не имеет прямого отношения к Волжской Булгарии, отрицали массовую тюркизацию в до-монгольский период, отстаивали южносибирское происхождение чувашей, осуждали автохтонные подходы. Выраженная на конференции 1950 г. автохтонная линия, минимизирующая роль булгар в этнической истории чувашей, вызвала, как представляется, глубокое неприятие автохтонности в среде чувашских ученых. В число авторов этого издания вошел и Кузеев. Он подчеркнул приоритет изучения этнической истории «историко-этнографических регионов» перед историей специфических этносов и сделал предположение о наличии древних отношений между чувашами и башкирами⁷⁶.

Еще до издания «*Болгаров и чувашей*» Кузеев опубликовал фундаментальную работу по этногенезу башкир объемом в 571 страницу. Он подробно исследовал историю племен различной локализации, используя устные и письменные источники, а также знаки (тамги) этих племен. Развивая свои предположения, о которых упоминалось в «*Очерках по истории Башкирской АССР*», он заключил, что башкиры формировались поэтапно из разных этнических общностей⁷⁷. В целом этногенез башкир не был столь политизирован, как татар или чувашей. Очевидно, что болгарский элемент присутствует в этнической истории башкир, но не играет решающей роли. Несмотря на то, что татары часто подвергают сомнению существование башкирской нации в обычных разговорах (северные башкиры и татары обладают многообразными сходными признаками из-за культурного влияния последних, а также из-за межэтнических браков), в области этногенетических исследований между башкирскими учеными и учеными соседних республик нет оснований для серьезных разногласий.

4. Дискурсы об этнической истории в постсоветский период

Татары

В ходе перестройки и после нее споры об этнической истории в бывшем Советском Союзе активизировались, а в Татарстане они приобрели особенно острый характер. В 1990 г. историки развернули критику антизолотоордынской кампании 1944 г. и объявили, что теория болгарского происхождения татар была навязана. Важное значение в формировании казанских татар стали придавать кипчакам и Золотой Орде⁷⁸. Это не означало, что татар рассматривали как потомков монголов, считалось, что тюрки быстро ассимилировали монгольских завоевателей. Фахрутдинов повторил то, о чем в 1950 г. заявил Сафаргалиев: племена татар, пришедшие из Монголии, были тюрками⁷⁹. Золотая Орда стала занимать важное место в государственной идеологии Татарстана. Рафаэль Хакимов – главный идеолог Татарстана (советник президента Шаймиева), директор Института истории Академии наук Татарстана подчеркивает влияние, которое Золотая Орда оказала на Россию. По его мнению, татары Золотой Орды создали великую империю, и русские княжества, дотоле занятые внутренними распрями, были включены в мировую историю благодаря Золотой Орде⁸⁰.

Шнирельман считает, что если болгарская версия этногенеза может помочь Татарстану в борьбе за суверенитет и территориальное единство, то золотоордынская версия обосновывает пантюркское единство и может легитимировать территориальные притязания к другим регионам, где проживают татары⁸¹. Это может быть близко к истине, но доводы Хакимова позволяют нам выделить другие важные черты дискурса о Золотой Орде. Его позиция имеет две стороны: утверждение исторического превосходства татар над русскими и признание общего исторического прошлого татар и русских в Золотой Орде (иногда он ссылается на таких русских евразийцев, как Лев Гумилев и Николай Трубецкой). Его позиция вполне соответствует стремлению руководства Татарстана обеспечить себе особый статус в Российской Федерации.

Хакимов подчеркивает также общий базис тюркских народов, когда-то живших в Тюркском каганате и/или в Джучиевом Улусе⁸².

В психологическом плане это может быть связано с экспансионизмом, но в действительности не только экспансия Татарстана, но даже координация исторических исследований тюркских народов затруднены. В своем интервью он отметил, что независимые государства Центральной Азии смотрят на Татарстан свысока, и координация между тюркскими историками станет возможной только в будущем⁸³. Тот факт, что Хакимов является редактором журнала «*Финно-Угрика*», говорит о его намерениях сотрудничать с финно-угорскими народами. Предки многих из них также населяли земли Золотой Орды.

Сходную, но уникальную позицию в вопросе о центральноазиатском происхождении татар представляет Марсель Ахметзянов, который долгое время исследует генеалогии (шаджаря). Опровергая автохтонность, он доказывает, что татары сформировались из кипчакских племен европеоидной расы в Центральной Азии и имели тесные связи с караханидами. Булгары вступили в союз с татарами, опасаясь русификации, но вошли в татарский этнос лишь в ограниченной мере⁸⁴.

Некоторые другие татарские ученые продолжают придерживаться болгарской версии. Мирфатых Закиев – директор Института языка, литературы и искусства, продолжительное время отстаивающий болгарскую версию, утверждает, что болгарский и чувашский языки принадлежат к совершенно разным группам тюркских языков. Он рассматривает татар как единственных исторических наследников болгар, которые, как он полагает, были кипчакским племенем⁸⁵. Он пишет также, что скифы, саки, сарматы и аланы были не ираноязычными, как это принято считать, а тюркоязычными, и прослеживает происхождение болгар и татар до них⁸⁶.

Большинство ученых, которых я интервьюировал в феврале 2000 г., считают, однако, что споры между «булгаристами» и «татаристами» (теми, кто придает особое значение Золотой Орде) – дело тщетное. «Татаристы» в большинстве своем не отрицают связей между булгарами и татарами. Хакимов пишет, что Тюркский каганат и Булгарское государство были первыми формами татарской государственности, хотя добавляет, что Булгарское государство было полиэтничным, а культура татар получила наиболее яркое выражение в эпоху Золотой Орды. В целом он критически относится к тем, кто сводит историю лишь к этногенезу, и проявляет больший интерес к смыслам, которые разные государства прошлого имеют для татар и русских⁸⁷. Фахрутдинов, ког-

да-то преуменьшавший роль болгар в формировании татар⁸⁸, теперь инкорпорирует в историю татар как Булгарию, так и Золотую Орду. Он полагает, что мусульманская элита болгар стала татарами, а немусульманские сельские жители – чувашами, отмечая, что 90% болгарской эпиграфики написано на языке близком к чувашскому и лишь 10% – на языке сходном с татарским⁸⁹.

Другая важная проблема: кто такие в конечном счете татары? Образуют ли казанские, касимовские, астраханские, сибирские и польско-литовские татары так же, как и мишари и кряшены (включая нагайбаков), единый этнос или это различные этносы? Большинство ученых в Казани поддерживают первую точку зрения⁹⁰, однако некоторые воспринимают сибирских татар как отдельный этнос⁹¹. Эта проблема одинаково связана и с идентичностью различных татар, и с болгаристско-татаристским противостоянием, так как с позиций болгарской теории трудно объяснить этногенез тех татар, которые традиционно населяли регионы, далекие от территории бывшей Волжской Булгарии.

Вне академических кругов начиная с 1988 г. стало возрождаться болгарское движение (Шнирельман называет его сторонников небулгаристами). Его главным идеологом является Фаргат Нурутдинов – учитель истории, возглавляющий клуб «Булгар аль-Джадид» («Новый Булгар»). Вдохновленный Мидхатом Ваисовым, сыном Гайнана Ваисова, Нурутдинов заявляет, что болгары проживали в Волго-Уральском регионе с незапамятных времен. Как он считает, Булгария простиралась от Дуная до Оби, от Северного Ледовитого океана до Черного и Каспийского морей, а ее армия ходила с походами в Европу, на Ближний и Средний Восток. Он утверждает, что татары в действительности – малый народ, сформировавшийся в 1905-1917 гг. на основе своего ядра – потомков служилых татар. Советские руководители навязали имя «татары» другому народу, а на самом деле татары (за исключением потомков служилых татар) и башкиры – это болгары. Он цитирует Мидхата Ваисова, утверждавшего, что такие нации, как украинцы, крымские татары и турки-месхетинцы, также являются потомками болгар⁹². Небулгаристы требуют, чтобы в их паспортах было отмечено «булгарин», а не «татарин».

Небулгаристские нарративы – явно фантастические мифы, которые выражают стремление слиться с мировой историей. Некоторые используют для этих целей название «тюрки». Языковед, академик Абрар

Каримуллин заявляет, что индейцы Америки по происхождению тоже тюрки⁹³. Издаются книги для массового читателя об истории великих тюркских империй и династий, что свидетельствует о росте тюркской идентичности среди нынешних татар⁹⁴.

Необулгаристы демонстрируют большой национализм и меньшую религиозность, чем движение ваисовцев столетие назад, даже исламское возрождение часто скорее сочетается с национализмом, чем отрицает его. Исхак хаджи Лотфуллин, имам мечети в Казани заявляет, что только народ, достигший достаточной степени свободы и уровня этнокультурного развития способен принять ислам, тогда как варварские, агрессивные и несвободные общности (такие, как Киевская Русь) не могут воспринять его в чистых формах. Булгары, обладавшие «патриотизмом» и «развитым национальным самосознанием», сделали ислам своей государственной и национальной религией. «Старшие среди равных» (эпитет, которым наделялись русские в советский период) народов Золотой Орды – булгары-татары защищали различные евразийские народы от угрозы порабощения чужеземцами и поднимали культурный уровень Евразии. Он считает, что после завоевания Казани русскими ислам стал символом национального сопротивления и этнической самобытности для татар, которые вели великий джихад против христианизации и русификации на протяжении четырех с половиной веков⁹⁵.

Таким образом, этнический партикуляризм глубоко повлиял на общество в бывшем Советском Союзе, включая исламских лидеров, и дискурсы о превосходстве русских используются теперь нерусскими в превращенной форме.

Чуваши

Чувашские ученые стойко придерживаются теории болгаро-чувашской неразрывной преемственности и считают эту проблему решенной, хотя многие из них соглашаются с тем, что и татары также до некоторой степени разделяют болгарское наследие⁹⁶. Они единодушно отвергают автохтонность, утверждая, что предки чувашей – гунны и булгары – мигрировали из глубины Азии через Северный Кавказ на Среднюю Волгу. В то же время они признают, что болгаро-чуваши населяют северную и центральную части Чувашии лишь приблизительно с XIV в. и что чува-

ши в культурном отношении имеют много общего с финно-угорскими народами⁹⁷. Представляется, что ни серьезной полемики по этнической истории, ни решительно новых подходов к ней в данном случае ожидать не следует.

Однако некоторые чувашаи выражают притязания на более богатое наследие древних народов. Писатель Михаил Юхма предполагает, что не только булгары и гунны участвовали в формировании чувашей, но также и часть шумеров, парфян, согдийцев, саков, массагетов и др. Он считает предками чувашей героев Согдианы, а также Заратустру⁹⁸. Исследователь-любитель Геннадий Егоров изучает отношения между шумерами и чувашами (следуя традиции Марра) и заявляет о том, что чувашаи-шумеры, ничего общего не имеющие с тюрками, открыли Америку и принесли индейцам культуру. Шнирельман описывает чувашскую версию этнической истории только на основе книг Егорова, но, разумеется, серьезные ученые не поддерживают аргументацию последнего⁹⁹. Другой автор, Антей Илитвер пытается изучать более длинную цепь явлений – континентальные подвижки и климатические изменения в связи с происхождением тюрков, гуннов и чувашей¹⁰⁰.

Башкиры

Ведущим авторитетом в науке по этногенезу не только башкиров, но и других народов Волго-Уральского региона остается Кузеев. Его подход имеет многогранный и свободный от национализма характер, и он пользуется большим уважением в регионе¹⁰¹. Мажитов привержен той теории, что кочевники Южного Урала в начале эпохи железа (массагеты, саки и т.д.) были по крайней мере частично тюркоязычными и башкиры унаследовали не только их язык, но и разнообразные черты культуры. В этой части он продолжает развивать гипотезу Руденко, на которого часто ссылается. Он доказывает, что Булгарское государство и Золотая Орда не были татарскими государствами и играли важную роль также и в башкирской этнической истории¹⁰².

Несмотря на активность историков Башкортостана в целом, новых направлений или дискуссий в области этногенеза не появилось. Объясняется это, по моему мнению, тремя причинами. Во-первых, исследования Кузеева по этнической истории (хотя с ним согласны не

все) выполнены настолько искусственно, что молодым ученым трудно написать качественно новые работы. Во-вторых, имеется множество других интересных тем для историков, включая национальное движение в начале двадцатого столетия (его выдающийся лидер Ахмед Заки Валидов – Тоган – сейчас национальный герой). В-третьих, башкиры после присоединения многократно поднимали восстания против России и, как говорил мне Кузеев, потребовалось два века, чтобы они адаптировались к России. После чего, однако, они получили привилегии, связанные с военной службой. Вследствие этого центральной темой для башкир были и остаются их отношения с Москвой, а не с нерусскими соседями¹⁰³. Разумеется, существуют проблемы, которые могут привести к спорам, так как этнические границы между башкирами и татарами не определены¹⁰⁴ и много татар проживает в Башкортостане. Но башкиры считают, что решение этих вопросов также зависит от того, каковы будут их отношения с Москвой.

Башкортостан, в свою очередь, также не избежал фантастических историй. Историк-любитель Салават Галлямов заявляет, что башкиры (башкорды) были иранским народом, связанным с курдами и скандинавами, и что английский язык по происхождению был диалектом башкирского. Портрет автора помещен на первых страницах книги вместе со знаменитыми учеными (Мещаниновым, Руденко, Мажитовым и др.) так, будто он является преемником их научной традиции, а в предисловии доктора филологических наук книга оценена как «серьезное научное исследование»¹⁰⁵.

Заключение

Средняя Азия (Мавераннахр) и многие другие мусульманские регионы имели богатую историографическую традицию еще до их колонизации европейскими державами. Однако исторические работы в них, как правило, посвящались правителям, описывали историю династий и деяний знаменитых личностей и имели слабое отношение к коллективной идентичности простых людей. Напротив, в Волго-Уральском регионе, который был включен в состав России еще в XVI в., традиция дворцовой историографии отсутствует. Допустимо предположить, что в

Булгарском государстве и Казанском ханстве исторические труды были написаны, но ни один из них не сохранился, и традиция, если она существовала, была прервана. Вместо этого в XIX в. возникла болгаристская историография. Не выражая эксплицитно этнической идентичности и имея много общего с племенной и локальной историографией, она манипулировала историческими символами, используя мифические приемы даже более свободно, чем позднейшие этнические истории, во имя того, чтобы соединить волжских болгар с группами людей в XIX в.

Классификация этнических групп, принятая у русских, и использование этнонима «татары», как представляется, долгое время не оказывали существенного влияния на идентичность народов региона. Однако во второй половине XIX в. русско-европейские научные методы исторических исследований и языковой национализм оказали мощное воздействие на местных интеллектуалов. Последние исправили фактические и логические ошибки старых историков-булгаристов и начали обосновывать этническую преемственность между булгарами и чувашами или татарами на базе данных лингвистики, а также вступили в полемику: кем являются мусульмане Средней Волги – татарами или тюрками. Вместо болгаристских генеалогий знати стала создаваться этническая история общностей, к которым люди принадлежат на равных основаниях.

Советское руководство поощряло написание этнической истории вероятно затем, чтобы доказать историческую правоту своей политики создания союзных и автономных республик на этнотерриториальных принципах, хотя эти цели никогда открыто не декларировались. Предпочтение отдавалось методам, радикально отличным от «буржуазной» науки, советская этногенетика была основана при заимствовании, точнее злоупотреблении, лингвистической теорией Марра. Официальный национализм поздних 30-х и 40-х годов сильно повлиял на «марристскую» этногенетику, проигнорировав собственные взгляды Марра на проблему этничности. После 1950 г. элементы, непосредственно связанные с Марром, были устранены, но примордиалистская тенденция советских исследований по этногенезу – прослеживать корни этнических групп как можно далее вглубь – сохранилась. Справедливости ради нужно отметить, что примордиалистский подход к нациям и этническим группам долгие годы доминировал и на Западе, а сдвиг к инструмента-

лизму/конструктивизму произошел после 60-х годов. Советская же наука этногенеза была настолько хорошо организована и оформлена, что преодоление ее наследия до сих пор представляется проблематичным.

Несмотря на то, что советский режим после Второй мировой войны тщательно устранял антирусские элементы из историографии нерусских народов, допускались дискуссии по этническому происхождению, которые подчас провоцировали конфликты между соседними народами. Спор о болгарском наследии между чувашами и татарами – один из таких примеров. В некотором смысле энергия национализма (и таких наднациональных идеологий, как тюркизм), столь жестко контролировавшаяся в других областях, проникла в научные дискурсы. Однако спор вокруг болгар, в отличие от азербайджано-армянского и грузино-абхазского споров, имел мало общего с территориальными притязаниями и не вылился в насильственные действия в ходе перестройки и в постсоветский период. Стороны стремились, скорее, повысить гордость за свою культурную аутентичность, чем выдвигать политические требования. В отличие от ситуации на Кавказе, спор о болгарях не касался ни этнических меньшинств в республиках, ни миграции недавних времен. Как бы там ни было Татарстан и Чувашия являлись автономными республиками, не имевшими даже номинального права на отделение от Советского Союза, и в них не было такой острой территориальной проблемы, как на Кавказе.

В постсоветский период дебаты вокруг этнической истории в Татарстане стали весьма активными, в отличие от Чувашии и Башкортостана. Татары – наиболее амбициозный народ в регионе, они стремятся получить больше свободы, если не полную независимость от Москвы. Образ великой Золотой Орды служит этим целям, но он противоречит болгаризму и вызывает споры. Общая черта дискурсов в трех республиках заключается в том, что на позициях автохтонности в них стоит меньше исследователей, чем в Центральной Азии. Эта тенденция возникла еще в советские времена и объясняется разницей между статусами республик, поскольку для союзных республик Центральной Азии (ныне независимых) всегда было более важно доказать историческое право на свою территорию.

Однако не все варианты этнической истории могут быть истолкованы с помощью политической мотивации. Одно из свойств советского режима (и в большинстве случаев постсоветских государств) состоит в

том, что власти стремятся контролировать деятельность ученых, но при этом создают видимость научного обоснования своей политики. Это порождает взаимозависимость между властями и учеными. Последние получают возможность в какой-то мере изложить свою точку зрения, даже если их работа отвечает важным политическим задачам. Стоит также отметить, что писатели-любители (наиболее типичный пример – Галлямов в Башкортостане) часто ссылаются на известных ученых, претендуя на то, что их книги являются научными работами. Анализируя советский и постсоветский дискурсы этнической истории, мы должны принимать во внимание не только их политизированность, но и стремление к научности (по крайней мере внешней), а также индивидуальность.

Примечания

¹ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. London: Verso, 1991.

² Ibid. P. 6.

³ Uyama T. Kazafu Minzokushi Saiko: Rekishi Kijutsu-no Mondai-ni Yosete [К пересмотру этнической истории казахов: проблемы восприятия и написания истории]. *Chiiki Kenku Ronshu (JCAS Review)* 2:1. 1999. P. 85-116.

⁴ О чингизизме см.: Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. *Чингиз-наме*. Алматы: Гылым, 1992. С. 14-21.

⁵ Если слово «татарин» использовали в основном русские и реже сами татары, то слово «башкир» (башкорт) использовали как русские, так и башкиры. Однако необходимо исследовать, насколько сильной была башкирская идентичность. Мишари – тюркоязычный народ, возможно, угорского происхождения – участвовал в царских нерегулярных воинских формированиях, которые назывались *Башкиро-мещерякское войско* (1798-1865), и к XX в. были ассимилированы татарами (отчасти русскими и башкирами).

⁶ Frank A.J. *Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia*. Leiden: Brill, 1998.

⁷ Frank. *Islamic Historiography...* P. 15-17, 44-46. Дамир Исхаков, критикуя Франка, утверждает, что историческое сознание служилых татар (аристократов, служивших царю) было сконцентрировано не на Булгаре, а на Золотой Орде. Батырша же, вероятно, под словом «булгар» подразумевал Казанское ханство (Исхаков Д. Об идентичности волго-уральских татар в XVIII в. // *Ислам в татарском мире: история и современность*. Казань: Панорама-Форум, 1997. С. 30-31). Вопреки намерениям Исхакова, его аргументы воздают должное булгаризму. Именно потому что существовало сильное историческое сознание, связанное с Золотой Ордой, булгаризм стремился преодолеть его. И не важно, какое государство в реальной истории подразумевал Батырша под «булгар», так как восприятие времени до середины XIX в. отличалось от современно-

го и такие анахронизмы, как превращение Чингиз-хана и Тимура в современников, были довольно обычным делом. Важнее то, что столь многообразные явления обозначались названием «Булгар».

⁸ Автор заявляет, что он писал свою работу в XVI в., но более вероятно, что она была написана в 1810-1820 гг. Frank. *Islamic Historiography...* P. 56-58; Усманов М.А. *Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.* Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. С. 150-151. Кириллическая транскрипция и перевод на современный татарский язык см.: Мослими. *Таварихы Болгария (Болгар тарихы)*. Казань: Иман, 1999. Однако в этом издании есть некоторые отличия от резюме Франка и Усманова.

⁹ Это должно было означать, что булгары стали мусульманами в VII в. В действительности же булгары были обращены в ислам в X в.

¹⁰ Frank. *Islamic Historiography...* P. 62-72; Мослими. *Таварихы Болгария*. С. 25-27, 29.

¹¹ Факсимильное издание, печатный арабский текст, транскрипцию на кириллицу и русский перевод этой книги см.: Галяутдинов И.Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа: Китап, 1998.

¹² Иштяк – название племен и легендарных фигур у башкиров, кыргызов, каракалпаков и хантов (остяков), но в данном случае, очевидно, оно используется как один из этнонимов башкиров и их предков. См.: Кузеев Р.Г. *Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения*. М.: Наука, 1974. С. 204-205, 443-444.

¹³ Frank. *Islamic Historiography...* P. 21-39, 197-199.

¹⁴ Frank. *Islamic Historiography...* P. 79-84; Мослими. *Таварихы Болгария*. С. 32-47.

¹⁵ Наиболее известная история племен Центральной Евразии «Шажара-и Тюрк» [Генеалогия тюрков] Абул-Гази Бахадур-хана (Хивинского хана XVII в.) сочетала генеалогию с историей династий правителей. Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan. *Histoire des Mogols et des Tatares* / Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. St. Petersburg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1871-1874.

¹⁶ Shehabeddin Mercani. *Müstefad'ül-ahbar fi ahval-i Kazan ve Bulgar*, I. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1997 (факсимильная перепечатка второго издания в Казани, 1897 г.). P. 4, 206-224; Frank. *Islamic Historiography...* P. 149-150; Uli Schamiloglu. The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Shihabâddin Mârcani and the Image of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. Vol. 9. № 2. 1990. P. 44-45.

¹⁷ Его отец Багаутдин Ваисов часто также воспринимается как болгарист, но недавно исследователи отметили, что нет конкретных свидетельств того, что болгарская идентичность выступала в качестве центрального фактора в движении под предводительством Ваисова-старшего. Frank. *Islamic Historiography...* P. 173.

¹⁸ Молостцова Е.В. Ваисов Божий полк // *Мир Ислама*. Т. 1. № 2. 1912. С. 143-152; Frank. *Islamic Historiography...* P. 172-177.

¹⁹ Naganawa N. *Voruga-Uraru Chiiki-no Atarashii Tatâru Chishikijin: Daiichiji Roshia Kakumeigo-no Minzoku (Millät)-ni kansuru Gensetsu-wo Chushin-ni* [Татарская интеллигенция нового типа в Поволжье и Приуралье: ее рассуждение о понятии «нация (миллат)» после Первой русской революции]. *Suravu Kenkyu*. № 50. 2003. P. 47-58; Пантюркизм в России // *Мир Ислама*. Т. 2. Вып. 1. 1913. С. 13-30.

²⁰ Geraci R.P. *Window on the East: Ethnography, Orthodoxy, and Russian Nationality in Kazan, 1870-1914*: Ph. D. Dissertation. University of California at Berkeley, 1995. P. 210-225. О некоторых аргументах болгаро-славянской теории см.: Рагозин В. Болгары // *Мифы*

древней Волги. Саратов: Надежда, 1996. С. 145-148 (впервые было опубликовано в 1881 г.). Я благодарен Цуказеки Кёко, обратившей мое внимание на эту публикацию.

²¹ Первым автором, указавшим на наличие чувашских слов в болгарской эпиграфике, был Хусейн Фейзханов – татарин, ученик Марджани. Фейзханов Х. Три надгробные болгарские надписи // *Татарская археология*. 1999. № 1/2. С. 56-57 (впервые опубликовано в 1863 г.)

²² Geraci. *Window on the East*. P. 225-232.

²³ Ашмарин Н.И. *Болгары и чуваш*. Казань: Императорский ун-т, 1902. Ашмарин (1870-1933) – ключевая фигура в школьной системе Ильминского (преподавал в Центральной крещено-татарской школе), сохранил свое влияние как ученый и в советский период.

²⁴ См. например: Тюрко-татары. *Энциклопедический словарь*. Т. 34. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. С. 349; Татары. *Большая энциклопедия*. Т. 18. СПб.: Просвещение, б. г. С. 306.

²⁵ Kappeler A. L'ethnogénèse des peuples de la Moyenne-Volga (Tatars, Tchouvaches, Mordves, Maris, Oudmourtes) dans les recherches soviétiques // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. XVII. 2-3 (1976). P. 319. Речь, вероятно, идет о работе «*Болгар тарихы*» («История болгар»), опубликованной в Казани (см.: *Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период*. М.: Наука, 1989. С. 28), но я не смог ее найти.

²⁶ Кузеев. *Происхождение башкирского народа*. С. 16-23.

²⁷ См. например: Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Алма-Ата: Глав. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985. С. 148-166 (написано около 1856 г.). Кудайбердиұлы Ш. *Түрік, кыргыз-казак һәм хандар шежіресі* [Генеалогия тюрков, кыргыз-казахов и ханов]. Алматы: Казакстан, 1991 (впервые опубликовано в Оренбурге в 1911 г.).

²⁸ Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 203-207.

²⁹ Kreindler I. A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy // *Slavic Review* 36:1. 1977. P. 86-100.

³⁰ Shnirelman V.A. The Faces of Nationalist Archaeology in Russia // *Nationalism and Archaeology in Europe* / Ed. by M.Diaz-Andreu & T.Champion. London: UCL Press, 1996. P. 227; Kappeler. L'ethnogénèse des peuples... P. 13.

³¹ Ефименко П. Доисторическая археология, ее задачи и перспективы в областном изучении // *Краеведение*. 1923. № 2. С. 96-97.

³² См. например: Гобайдуллин Г. *Татар тарихы* [История татар]. Казань, 1923; Петров Д.П. *О происхождении чуваш*. Чебоксары, 1925; Фахретдинов Г., Мерас С. *Башкорт тарихы* [История башкир]. Уфа, 1927; Петров М. *Чаваш историе синчен. Кескен каласа катартни. Малтанхи пайе. Тен историен йересем* [Краткие очерки чувашской истории. Ч. 1: Следы древней истории]. Чебоксары, 1928. Все эти издания оказались недоступными для меня.

³³ Slezkine Y. The Fall of Soviet Ethnography, 1928-38 // *Current Anthropology*. 32:4. 1991. P. 478-481; Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV-11/IV 1929 г.) // *Этнография*. 1929. № 2. С. 110-144.

³⁴ Этнический аспект этой теории на ранних стадиях ее развития ярко проявился в статье, впервые опубликованной в 1920 г.: Марр Н.Я. Яфетический Кавказ и третий

этнический элемент в созидании средиземноморской культуры. *Избранные работы*. Т. 1. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. С. 79-124. Яфетическими первоначально называли такие языки, как грузинский, абхазский, баскский и др., однако впоследствии это понятие расширилось и стало обозначать не только множество современных языков, но и стадию, через которую прошли в своем развитии все языки человечества.

³⁵ Марр Н.Я. Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении. *Избр. работы*. Т. 1. С. 236, 241 (первоначально опубликовано в 1927 г.); Он же. Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык (доклад, 1928 г.). *Избр. работы*. Т. 4. Б. м. Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. С. 58. Об изменении взглядов Марра на язык и этнос см.: Мещанинов И.И. Итоги изучения общего языкознания в СССР за двадцать лет // *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук*. № 5. 1937. С. 1222-1226. Абаев В. Н.Я.Марр (1846-1934): К 25-летию со дня смерти // *Вопросы языкознания*. 1960. № 1. С. 94-95.

³⁶ Асфендиаров С. Проблема нации и новое учение о языке // *Новый Восток*. 1928. № 22. С. 169-183.

³⁷ Марр. Постановка учения... С. 61; Он же. Общий курс учения о языке. *Избр. работы*. Т. 2. Б. м. Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. С. 101 (впервые было опубликовано в 1927 г.); Абаев. Н.Я.Марр. С. 92-95. Марр использовал слово «скрещение» также в отношении племен, но без теоретического разъяснения. Марр. Чuvaши-яфетиды на Волге. *Избр. работы*. Т. 5. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. С. 328 (доклад, 1925 г.).

³⁸ Мещанинов И.И. О доисторическом переселении народов // *Вестник Коммунистической академии*. Кн. 29(5). 1928. С. 205-238.

³⁹ Равдоникас В. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным изучением Северного Причерноморья // *Известия ГАИМК*. Т. 12. Вып. 1-8 (Готский сборник). Л., 1932). Цит. по: Миллер М.А. *Археология в СССР*. Munich: Institute for the Study of the History and Culture of the USSR, 1954. С. 66. См. также: Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 3. С. 56-58.

⁴⁰ Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930-1940-х годов // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 86-104; Шнирельман. Злоключения одной науки... С. 58-64; Shnirelman. The Faces of Nationalist Archaeology... P. 233-236.

⁴¹ В других областях исследований идеи Марра после его смерти в 1934 г. также постепенно потеряли популярность. Алпатов В.М. *История одного мифа: Марр и марризм*. М.: Наука, 1991. С. 115-142.

⁴² Греков Б.Д. Итоги изучения истории СССР за двадцать лет // *Известия Академии наук СССР: Отделение общественных наук*. 1937. № 5. С. 1103.

⁴³ Марр и «марризм» в советских исследованиях по этногенезу широко и обстоятельно изучены Слезкиным и Шнирельманом (см. например: Slezkine Y. N.Ia. Marra and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // *Slavic Review* 55:4. 1996. P. 826-862), чьим работам я во многом обязан, однако они не всегда четко различают «марризм» и собственные идеи Марра.

⁴⁴ Марр. Чuvaши-яфетиды... С. 327-372. Марр не всегда был последователен, его симпатии к национальным меньшинствам иногда делали его примордиалистом.

⁴⁵ Совещание по вопросам этногенеза // *Историк-марксист*. Кн. 6(70). 1938. С. 201.

⁴⁶ Сессия по этногенезу Средней Азии // *Советская этнография*: Сб. статей, VI-VII. Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 301-325.

⁴⁷ Археология также была тесно связана с Марром, работавшим в должности директора в Государственной академии (до 1924 г. – Российской академии) истории материальной культуры (ГАИМК – позже Институт археологии Академии наук) с 1919 по 1934 г. Однако Марр не был активно вовлечен в археологию и в последние годы не управлял Академией из-за серьезной болезни, и опять-таки «марризм» без Марра имел большее влияние, чем сам Марр. См.: Миллер. *Археология в СССР*. С. 40-121; Монгайт А.Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // *История СССР*. 1963. № 4. С. 82; Формозов А.А. Археология и идеология (20-30-е годы) // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 76.

⁴⁸ Если быть более точным, то этногенетика имела дело с народностями (этническими общностями докапиталистического периода), а политическая история наций была отдельной темой, популярной в 1950-е годы. Однако формирование бужуазных и социалистических наций воспринималось как результат перехода к капитализму и социалистической революции, и непрерывная преемственность между народностью и нацией с тем же названием считалась сама собой разумеющейся.

⁴⁹ *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней* / Под ред. М.Абдыкалыкова и А.Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943.

⁵⁰ Tillet L. *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969. P. 70-83, 93-100, 110-129.

⁵¹ Tillet. *The Great Friendship*. P. 79-80; Постановление о состоянии работы по составлению «Очерков по истории Татарской АССР» (1946) // *Ислам в татарском мире*. 1946. С. 347-349 (см. прим. 7); В Институте истории Академии наук СССР // *Вопросы истории*. 1946. № 8/9. С. 151-154.

⁵² В отличие от дореволюционных исследователей, уделявших большое внимание этнической истории волжского региона, советские ученые во время и сразу после Второй мировой войны направляли больше усилий на изучение истории Центральной Азии, а исследования волго-уральских народов и республик несколько отставали. Возможно, это происходило потому, что центральноазиатские республики обладали союзным статусом, тогда как волго-уральские республики были автономиями в составе России.

⁵³ Гимади Х. О некоторых вопросах истории Татарии // *Вопросы истории*. 1951. № 12. С. 120.

⁵⁴ Якубовский А.Ю. *К вопросу об этногенезе узбекского народа*. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1941.

⁵⁵ Научная сессия по вопросам истории Татарской АССР // *Вопросы истории*. 1946. № 10. С. 146-147; Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // *Советская этнография*. 1946. № 3. С. 37-50; Трофимова Т.А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии // *Советская этнография*. 1946. № 3. С. 51-74. Я благодарен Иноуэ Коичи за возможность использовать принадлежащие ему микрофильмы *Советской этнографии* за 1946-1949 гг.

⁵⁶ Юсупов Г.В. *Введение в болгаро-татарскую эпиграфику*. Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 15-16, 34-35. Юсупов развивает гипотезу Калинина.

⁵⁷ Научная сессия, посвященная вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // *Вопросы истории*. 1947. № 11. С. 141-143.

⁵⁸ Сессия по истории чувашского народа // *Вопросы истории*. 1950. № 4. С. 154-156; Kappeler. *L'ethnogenèse des peuples...* P. 321-322 (см. прим. 25).

⁵⁹ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. *Сочинения*. Т. 3 (16). Stanford: The Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, 1967. С. 144-148 (впервые опубликованы в 1950 г.)

⁶⁰ Третьяков П.Н. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании // *Вопросы истории*. 1950. № 10. С. 3-18.

⁶¹ Slezkine. N.Ia.Marr and the National Origins... P. 859-861.

⁶² О примерах чувашей, волжских татар и башкир см.: *Народы Европейской части СССР* (серия «Народы мира»). Т. 2. М.: Наука, 1964. С. 599, 636-639, 685-688. Характерно, что в томе, посвященном Средней Азии, сказывается пренебрежение этнонимами, что было свойственно Якубовскому двадцать лет назад: «...следует отличать историю этнонима «узбек» от истории формирования узбекского народа». *Народы Средней Азии и Казахстана* (серия «Народы мира»). Т. 1. М.: Наука, 1962. С. 167.

⁶³ Сафаргалиев М. Один из спорных вопросов истории Татарии // *Вопросы истории*. 1951. № 7. С. 74-80.

⁶⁴ Гимади. О некоторых вопросах истории Татарии. С. 118-126.

⁶⁵ Shnirelman V.A. *Who Gets the Past?: Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia*. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 1996. P. 36. Аналогичным образом в ходе полемики (1947-1950 гг.) по работам Ермухана Бекмаханова о восстании Кенесары его основными оппонентами были казахские ученые из Алма-Аты, тогда как некоторые русские ученые из Москвы защищали его. См.: Козыбаев И.М. *Историография Казахстана: уроки истории*. Алма-Ата: Рауан, 1990. С. 82-108.

⁶⁶ *История Татарской АССР*. Т. 1. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 67-69, 78-79, 89-91, 102-104.

⁶⁷ *Очерки по истории Башкирской АССР*. Т. 1. Ч. 1. Уфа: Баш. книжное изд-во, 1956. С. 27-37.

⁶⁸ Руденко С.И. *Башкиры: историко-этнографические очерки*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 328-352. Хотя эта книга в основном представляет собой репринт издания 1925 г., глава, посвященная этногенезу, была написана заново.

⁶⁹ Kappeler. *L'ethnogenèse des peuples...* P. 322; Каховский В.Ф. Археология Волжской Болгарии и вопросы этногенеза чувашской народности // *Болгары и чувашы*. НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ ЧАССР, 1984. С. 63.

⁷⁰ Каховский В.Ф. *Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории*. Чебоксары, 1965. Цит. по: Kappeler. *L'ethnogenèse des peuples...* P. 323. Ранее Каховский был привержен линии, которая проводилась на конференции 1950 г., и различал оседлых чувашей-суваров и кочевых правителей Булгара. Он полагал, что болгарское культурное влияние на Чувашию почти ограничивалось ее южной частью, но в то же время критиковал татарских ученых, стремящихся монополизировать болгарское наследие (Каховский В.Ф. *Памятники материальной культуры Чувашской АССР*. Чебоксары: Гос. изд-во ЧАССР, 1957).

⁷¹ Kappeler. *L'ethnogenèse des peuples...* P. 323-324; Shnirelman. *Who Gets the Past?* P. 26-33; Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // *Болгары и чувашы*. С. 24-27.

⁷² Халиков А.Х., Старостин П.Н. и др. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А. П. Смирнова) // *Советская археология*.

1974. № 1. С. 265-274; Смирнов А.П. Ответ А.Х.Халикову, П.Н.Старостину, Е.А.Халиковой, А.Г.Петренко и др. // *Советская археология*. 1974. № 2. С. 320-325.

⁷³ Халиков А.Х. К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья // *Советская этнография*. 1972. № 1. С. 100-109.

⁷⁴ Shnirelman V. *Who Gets the Past?* P. 27.

⁷⁵ Bregel Y. *Notes on the Study of Central Asia*. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1996. P. 14-17.

⁷⁶ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI вв. и проблема происхождения чувашского этноса // *Болгары и чувашы*. С. 3-22.

⁷⁷ Кузеев. *Происхождение башкирского народа*. (см. прим. 12).

⁷⁸ Shnirelman. *Who Gets the Past?* P. 36-37. Об основаниях и последствиях кампании 1944 г. см.: Султанбеков Б.Ф. *История Татарстана: страницы секретных архивов*. Казань: Татарское книжное изд-во, 1994. С. 203-235.

⁷⁹ Фахрутдинов Р. *Золотая Орда и татары: что в душе народа*. Набережные Челны: Изд-во КаМАЗ, 1993. С. 8-11.

⁸⁰ Хаким Р. *История татар и Татарстана*. Казань: Панорама-Форум, 1999.

⁸¹ Shnirelman. *Who Gets the Past?* P. 52-55.

⁸² Хаким. *История татар и Татарстана*. С. 36-37.

⁸³ Интервью с Хакимовым, состоявшееся в Казани 28 февраля 2000 г.

⁸⁴ Интервью с Ахметзяновым, полученное в Казани 29 февраля 2000 г.

⁸⁵ Закиев М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф. *Волжские болгары и их потомки*. М.: Инсан, 1993; Закиев М.З. *Татары: проблемы истории и языка*. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995.

⁸⁶ Закиев М.З. *Торки-татар этногенезы*. Казань: Фикер, 1998.

⁸⁷ Хаким. *История татар и Татарстана*. С. 2, 8, 22-23, 33.

⁸⁸ Фахрутдинов. *Золотая Орда и татары*. С. 13-14.

⁸⁹ Фахрутдинов Р.Г. *Татар халкы һәм Татарстан тарихы: борынгы заман һәм урта гасырлар*. Казань: Магариф, 1997; интервью, полученное у Фахрутдинова 28 февраля 2000 г. в Казани.

⁹⁰ *Татарский энциклопедический словарь*. Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. С. 566; Исхаков Д.М. *Этнографические группы татар Волго-Уральского региона*. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993.

⁹¹ Валеев Ф.Т. *Сибирские татары: культура и быт*. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. Валеев сам – сибирский татарин.

⁹² Нурутдинов Ф.Г.-Х. *Булгарский вопрос*. Оренбург: Вестник «Булгария», 1993. С. 9-12, 44-47; Он же. *Родиноведение: Методическое пособие по истории Татарстана*. Казань: Татарское газетно-журнальное изд-во, 1995. С. 20-21. Последняя книга – любопытная смесь болгаризма, исторических терминов и периодизации в советском стиле, а также лести в адрес Шаймиева.

⁹³ Каримуллин А.Г. *Прототюрки и индейцы Америки: по следам одной гипотезы*. М.: Инсан, 1995.

⁹⁴ Безертинов Р.Н. *Татары, тюрки – потрясатели вселенной: История Великих империй*: В 3 т. Набережные Челны: Калкан, 1997.

⁹⁵ Лотфуллин И.М., Ислаев Ф.Г. *Джихад татарского народа: героическая борьба татар-мусульман с православной инквизицией на примере истории новокрещенской конторы*. Казань, 1998. С. 7-43.

⁹⁶ Интервью с Леонидом Таймасовым и Атнером Хузангаем (1 марта 2000, Чебоксары); Иванов В.П. *Чувашский этнос: Проблемы истории и этногеографии*. Чебоксары: Чув. гос. ин-т гуманитарных наук, 1998. С. 117-137.

⁹⁷ Иванов В.П., Николаев В.В., Дмитриев В.Д. *Чуваши: этническая история и традиционная культура*. М.: ДИК, 2000. С. 6-39; Иванов. *Чувашский этнос*. С. 17-81.

⁹⁸ Юхма М. *Древние чувашки: исторические очерки*. Чебоксары: Вучах, 1998. Виталий Иванов так комментирует эту книгу: «С научной точки зрения, конечно, нельзя согласиться со всеми интерпретациями автора». Иванов. *Чувашский этнос*. С. 10.

⁹⁹ Shnirelman. *Who Gets the Past?* P. 46-49, 57.

¹⁰⁰ Илитвер А. *От гипотезы дрейфа материков к гипотезе происхождения гуннов – предков чувашей и других тюркских народов*. Ч. 1. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1993.

¹⁰¹ Кузеев Р.Г. *Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю*. М.: Наука, 1992. Я не хочу сказать, что Кузеев свободен от любой идеологии, поскольку он – идеолог евразийства.

¹⁰² Мажитов Н.А, Султанова А.Н. *История Башкортостана с древнейших времен до XVI в.* Уфа: Китап, 1994. С. 65-75, 213-294; Интервью с Мажитовым (4 марта 2000 г., Уфа). Один из лингвистов также поддерживает гипотезу Руденко: Нафиков Ш.В. С.И.Руденко и некоторые вопросы этногенеза башкир по данным современного языкознания // *С.И.Руденко и башкиры*. Уфа: Гилем, 1998. С. 88-98.

¹⁰³ Интервью с Кузеевым, состоявшееся 4 марта 2000 г. в Уфе. В связи с требованием Москвы привести законодательство Башкортостана в соответствие с федеральными нормами Председатель Государственного Собрания Башкортостана Константин Толкачев заявил, что необходимо понять менталитет башкир, которые «не хотят уступать завоеваний, достигнутых со времен Ивана Грозного» (*RFE/RL Russian Federation Report*. Vol. 2. № 24, 28 June 2000 [<http://www.rferl.org/russianreport/2000/06/24-280600.html>]).

¹⁰⁴ Татары и башкиры часто спорят, кем являлись такие знаменитые личности, как Заки Валидов и Ризаэтдин Фахретдинов, – башкирами или татарами. Исхаков С. *История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации»* // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* / Под ред. К.Аймермахера и Г.Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999. С. 275-298.

¹⁰⁵ Галлямов С.А. *Великий Хау Бен: Исторические корни башкортско-английского языка и мифологии*. Уфа: Башкортостан, 1997. Более подробно об исторических дискурсах в Башкортостане см.: Кучумов И. Крючья под ребро истории: этницизм в постсоветской историографии Башкортостана // *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона* / Под ред. К.Мацузато. Саппоро: Центр славянских исследований, 2003.